

Глава 11. Земной город, небесные звёзды

Серая птица сложила крылья и приземлилась на самой высокой ветви божественного дерева Фу.

Трое позади с криками «ай» и «ой» скатились по её хвостовым перьям. Оракул поймал Цю Бодэна за руку и помог ему уверенно сойти на ветку.

— Как тебя зовут?

Пролетев по небу, Цю Бодэн был в отличном настроении и неожиданно для себя задал этот вопрос.

Рука, державшая его, внезапно сжалась. Цю Бодэну даже показалось, будто кости их пальцев сквозь плоть отпечатались друг в друге. Он нахмурился и, подняв глаза, чтобы отчитать наглеца, наткнулся на пустой, растерянный взгляд. В зрачках отражался огонёк фонаря, ставший единственным одиноко горящим светом.

Не может быть!

У молодого господина Цю волосы на затылке встали дыбом.

Всего лишь спросил имя, не до такой же степени? Этот парень что, и впрямь никому не нужный сирота? Даже имя, данное родителями, стало для него незаживающей раной?!

— ...А Ло.

Оракул быстро осознал свою оплошность. Помог Цю Бодэну сойти и поспешно отпустил его руку, пряча её в рукаве.

— Прости, я давно не...

Цю Бодэн похлопал его по плечу, решительно прерывая:

— А Ло.

Молодой господин Цю редко по собственной воле касался кого-либо плечом, но сила его хлопка была такой, будто он не утешал, а выбивал пыль. Впору было усомниться, не мстит ли он за то, что Оракул только что сжал его руку. Ошарашенное выражение на лице Оракула показалось Цю Бодэну забавным.

— Нашёл! Вон там!

Лу Цзин, весь в грязи, выбрался из густой листвы и закричал.

Цю Бодэн отнял руку и, обернувшись, чтобы посмотреть, небрежно бросил:

— А Ло.

— Да, — тихо ответил Оракул.

«Ну и ладно», — подумал Цю Бодэн.

Все фразы, начинающиеся с «я давно не...», неизменно вели к пыльным воспоминаниям. А он ненавидел всё пыльное. Встретив такое, он либо сжигал дотла, либо приказывал кому-нибудь выбить пыль. Сейчас перед ним был живой человек, сжечь его было бы неправильно, а привычных слуг под рукой не оказалось, так что пришлось снизойти и выбить пыль самому.

К счастью, похоже, пыль удалось стряхнуть.

— Ничего себе гнездо, здоровенное.

Круглая голова Цзо Юэшэна высунулась из-за листьев. Кроме Цю Бодэна и Ши Уло, все трое свалились в крону дерева фу. В самом сердце божественного дерева, где ци была наиболее обильной, листья росли густыми и плотными, и падение было похоже на приземление в грубый, но толстый и пушистый ковёр.

Гнездо серой птицы было свито между тремя ветвями и на первый взгляд напоминало маленький деревянный домик.

Нефритовая подвеска Инь-Ян, принадлежавшая Лу Цзину, висела высоко, окружённая мерцающими огоньками, похожими на светлячков. Они собирались в ручейки и стекали в гнездо.

Серая птица приземлилась у края гнезда и издала тихий крик. Из гнезда донёсся ответный, чуть более низкий крик, и оттуда показалась другая серая птица с более тусклым оперением — самка. Её перья были испачканы кровью, и раны её, казалось, были ещё серьезнее.

— Так вот в чём дело.

Цю Бодэн понял, почему серая птица, обычно смирная, сегодня вела себя так яростно.

Она защищала свою подругу.

Оракул инстинктивно шагнул к Цю Бодэну, но при его движении серая птица внезапно напряглась, расправила крылья, полностью закрыв гнездо и свою подругу, и все перья на её шее встали дыбом. Самка попыталась подняться, но самец прижал её обратно.

— Ладно тебе, — лениво остановил его Цю Бодэн, — не будь злодеем, разлучающим парочку.

Оракул остановился.

Он не сдвинулся с места, но вид у него был какой-то недовольный. Выражение его лица не изменилось, но Цю Бодэн, глядя, как тот выпрямился и застыл, каким-то странным образом почувствовал его недовольство.

...Что ещё за дела?

Цю Бодэн не стал обращать на него внимания. Подумав, он отошёл подальше от гнезда, выбрал ветку, сел на неё и стал наблюдать, как Цзо Юэшэн, жестикулируя, пытается договориться с двумя птицами, Лу Цзин роется в своей сумке из горчичного семени в поисках целебных пилюль, а Е Цан помогает ему разбирать склянки.

— Это... пилюля Покорения чистоты.

— Пилюля Нефритовой росы... не то.

— И это не то...

— ...

Цзо Юэшэн присел на корточки рядом, его глаза жадно блестели:

— Не хочешь обменять немного пилюль Покорения чистоты?

Любая из этих пилюль была бесценна, а в руках Лу Цзина они казались простыми леденцами. У толстяка Цзо от такого зрелища разгорелся аппетит.

Лу Цзин, не поднимая головы, отрезал:

— Катись!

— Ты же молодой господин павильона Гор и Морей, у тебя же денег куры не клюют? — удивился Цю Бодэн. — Зачем тебе ещё и спекуляцией заниматься? Ты ведь не бедный.

— Мои деньги — это честно заработанные деньги! Если бы мой отец позволял мне свободно брать сокровища из хранилища и тратить деньги, мне бы пришлось так мыкаться по свету, чтобы сколотить своё состояние? — раздражённо ответил Цзо Юэшэн. Но, вспомнив, с кем говорит — один ест пилюли, созданные лично владыкой Долины Медицины, как конфеты, а другой может запросто забрать с собой главную святыню школы Тайи, — он почувствовал, как от зависти заныли зубы. — Вам-то хорошо, вы с жиру беситесь.

Все — наследники великих школ, а какая разница!

— А что, деньги зарабатывать так уж сложно? — спросил Цю Бодэн, устроившись на кончике ветки. Он положил меч Тайи на согнутые колени, а другой ногой лениво покачивал в воздухе. — Я вот за два дня заработал восемьдесят одну тысячу лянов золота.

Цзо Юэшэн с обидой посмотрел на него:

— И тебе не стыдно упоминать эти восемьдесят тысяч лянов?

— Это называется «на каждого злодея найдётся свой укротитель», — холодно бросил Лу Цзин.

— Лу, даю тебе шанс перефразировать, — мягко произнёс Цю Бодэн.

— Я говорю, молодой господин Цю вершит правосудие от имени небес, — быстро исправился Лу Цзин.

Цю Бодэн усмехнулся.

Дерево Фу было очень высоким. Сидя на его вершине, можно было не слышать людского шума с земли. Сквозь серебряные ветви виднелись улицы, заполненные огнями факелов, которые, казалось, превратились в реки раскалённой крови.

«Атмосфера миазмов, оказывается, вот такая», — пробормотал Цю Бодэн, глядя за пределы города.

Хотя, читая книги, он знал, что люди в этом мире живут в окружении миазмов и нуждаются в божественных артефактах, чтобы в густых ядовитых испарениях создавать места для жизни и размножения, одно дело — читать об этом, и совсем другое — видеть своими глазами. С высоты дерева Фу горы и равнины вдаль были окутаны туманной дымкой.

Тьма наступала со всех сторон, готовая в любой момент поглотить этот город.

Тысячи, десятки тысяч лет божественное дерево Фу росло в этой тьме, раскинув свою огромную серебряную крону и укрыв весь город белоснежным, непроницаемым для ядов покровом.

«Как же темен этот мир», — подумал Цю Бодэн.

Даже звёзд почти не было.

— Сегодня так много звёзд!

Лу Цзин, обменяв три пилюли духовного лотоса на подвеску Инь-Ян у серой птицы, был так рад, что чуть снова не расплакался. Но, заметив краем глаза меч Тайи на коленях Цю Бодэна, он почувствовал, как по спине пробежал холодок, и поспешно поднял голову, делая вид, что любуется звёздами.

— ...Ты это серьёзно?

Цю Бодэн поднял голову, пересчитал немногочисленные звёзды на небе и медленно спросил:

— Меньше сорока штук, и это много?

Едва он это сказал, как Цзо Юэшэн, Лу Цзин и Е Цан разом повернулись и уставились на него с удивлением.

— Молодой господин Цю, — сочувственно спросил Цзо Юэшэн, — как же вас растили в школе Тайи?

— А при чём тут школа Тайи?

Е Цан указал на небо:

— Обычно и десяти звёзд не увидишь!

Лу Цзин добавил:

— Всего звёзд тридцать шесть, это даже трёхлетний ребёнок знает.

— Астрономия мертва.

Цю Бодэн, внезапно оказавшийся глупее трёхлетнего ребёнка, стиснул зубы и вынес безэмоциональный вердикт.

— Небесные светила — это отражение земных городов.

Оракул, который молчал с тех пор, как Цю Бодэн дважды назвал его «А Ло», молчал так необычно долго — впрочем, не так уж и необычно, ведь он, кроме Цю Бодэна, ни с кем и не разговаривал, — заговорил лишь тогда, когда троица начала подшучивать над Цю Бодэном, объясняя ему, в чём дело.

— На земле есть города, собирающие её ци; их сущность порождает звёзды. Звезда же, тело её рождено землёй, а сущность сотворена небом; они располагаются в определённом порядке, и каждая имеет свою принадлежность.

Цю Бодэн хмыкнул, показывая, что понял.

Когда-то он приобрёл на аукционе в Цяньнани глубокую чёрно-золотую шаманскую маску но, и после этого к нему то и дело набивались в гости богословы и фольклористы.

Один из его хороших знакомых, этноастроном, рассказывал ему о тесной связи древних представлений о небе и земле, говоря, что «люди часто переносили на небо образы земных географических объектов, в итоге небо становилось копией мира людей». Самое удивительное, что эта идея существовала не у одного племени или в одном регионе, а в верованиях самых разных народов по всему миру.

Словно в какой-то период все люди на Земле искренне в это верили.

Вот только в современном мире мифы — это всего лишь мифы, а в мире сянься — это реальность.

— Но не у всех городов ци достаточно сильна, чтобы образовать звезду, — сказал Оракул. — Та звезда на севере — это Тайи.

Звезда, соответствующая Тайи, висела на самом севере, без других звёзд вокруг, в одиночестве освещая северный край мира.

Яркая и гордая.

— Как ярко, — восхитился Лу Цзин.

— Наш Павильон Гор и Морей тоже не хуже, — сказал Цзо Юэшэн, указывая на звезду на юге.
— Смотрите, вот наш.

Лу Цзин бросил взгляд и презрительно фыркнул:

— Тусклее, чем у Долины Медицины.

— Ты ослеп, что ли? — обиделся Цзо Юэшэн.

— А я своей не вижу... — с тоской сказал Е Цан.

Город Фу был слишком мал.

Сто, двести тысяч жителей — это вроде бы много, но в масштабах всего мира — ничто.

— Как же мало, всего тридцать шесть, — внезапно сказал Цю Бодэн.

— Молодой господин Цю, вы так говорите, будто видели больше, — не удержался от насмешки Цзо Юэшэн. — Очнитесь, это максимум.

— Я видел.

Но Цю Бодэн ответил, подняв меч Тайи и вставая.

— Я видел небо, где звёзд столько, что их не сосчитать. Я видел землю, залитую светом, ярким, насколько это возможно. Я видел, как с расстояния в миллиарды световых лет эта твердь сияет великолепием.

— Я видел.

Он говорил так, словно это не было шуткой. Трое, которые поначалу хотели лишь подшутить над ним, почему-то не смогли больше смеяться. Они подняли головы к небу, думая о том, что сказал Цю Бодэн — о небе, полном звёзд, которых не счесть, — и вдруг им тоже показалось, что на таком огромном небосводе всего тридцать шесть звёзд — это так одиноко, что сама ночь становится безмолвной.

— Если бы однажды небо было полно звёзд, насколько светло стало бы? — пробормотал Лу Цзин.

— Наверное, очень светло, — сказал Цзо Юэшэн, пытаясь представить, но не мог, потому что никогда не видел. — По крайней мере, не было бы миазмов... Пойдите, — он вдруг что-то сообразил и резко спросил, — «Звезда же, тело её рождено землёй, а сущность сотворена небом; они располагаются в определённом порядке, и каждая имеет свою принадлежность»... это же из тайных свитков школ бессмертных, откуда ты это знаешь? Ты же просто Оракул?

— Он никакой не Оракул!

Кто-то холодно произнёс из темноты внизу, и вместе с голосом сверкнул и полоснул по ветвям лазурный луч меча.

— Молодой господин павильона! Отойдите!

<http://bllate.org/book/16967/1582792>